

щих исканий в этой области. Он не отвергает полностью религиозные представления, но относится к ним как к исторически сложившемуся препятствию, которое необходимо отодвинуть на обочину столбовой дороги научного познания, чтобы построить достоверную, опирающуюся на научные данные, картину мира.

¹ Иов. 28: 24—27.

² Кант И. Соч.: В 6 т. М., 1963. Т. 1. С. 122—123.

³ Там же. С. 69.

⁴ Там же. С. 125.

⁵ Там же. С. 205.

⁶ Там же. С. 231.

⁷ Там же. Соч. Т. 1. С. 217.

⁸ Быт. 1: 10, 21, 25.

⁹ Кант И. Соч. Т. 1. С. 233.

¹⁰ Там же. С. 228.

¹¹ Там же. С. 248.

¹² Там же. С. 250.

¹³ Там же. С. 297.

¹⁴ Там же. С. 301.

¹⁵ Там же. С. 452.

¹⁶ Там же. С. 456—457.

¹⁷ Там же. С. 147.

¹⁸ Collins J. The Emergence of Philosophy of Religion. London, 1967. P. IX.

И. А. Серова
г. Пермь

МЕРА ЖЕЛАНИЙ

М. Зощенко в повести «Возвращенная молодость» по-житейски точно описывает атрофию желаний: «Ну, еще лет до тридцати пяти, сколько мог заметить автор, люди живут сносно, трудятся на своем поприще, веселятся, тратят безрассудно то, что отпущено природой, а после этого по большей части начинается у них бурное увядание и приближение к старости. У них пропадает вкус ко многим хорошим вещам. Морда у них тускнеет. Ихние глаза с грустью взирают на многие приличные и недавно любимые вещи. Их захватывают разные удивительные и даже непонятные болезни, от которых врачи впадают в мудрое созерцательное состояние и приходят в беспокойство за беспомощность своей профессии» [1, 10]. Все сказано, все сделано — таково классические определение смерти. Уйти от этой черты — значит сохранить способность желать. Со времен Эпикура известен рецепт сохранения молодости — это мера желаний, так называемые разумные потребности.

Для И. Канта вопрос о мере желаний — метафизический, поскольку для ответа на него он, по сути дела, пишет и «Критику чистого разума», и «Критику практического разума». «Моральная, практическая философия является также универсальной медицинской, которая, правда, не излечивает всех от всего, но необходимо должна присутствовать в каждом лечении... Это универсальное средство касается, однако, только диететики, т. е. действует негативно, в качестве способа предотвратить заболевание... С ним связана главная диететическая задача, выраженная в следующей теме: «О способности человеческого духа силой только твердой воли побеждать болезненные ощущения»» [2, 298—299]. В принципиальном плане трансцендентальный идеализм Канта содержит две максимы: первая — знай свое место — суть «Критики чистого разума», вторая — будь Человеком — суть «Критики практического разума». Первая ориентирует желать в рамках освоенного, опыта и не выдавать желаемое за действительное; вторая открывает перспективы посредством веры желать запредельного, трансцендентного.

Знать свое место важно не только в плане ограничения амбиций в вопросе познания сущности мироздания, но и в вопросе о том, что человек может сделать из себя сам, включая и вопрос, какие свойства собственной натуры находятся во власти человека. Практический разум способен совладать с такими реалиями натуры человека, как характер, темперамент, физиогномика, но бессилен перед страстями, ибо они есть «болезнь, которая гнушается всеми целебными средствами» [3, 513].

Кант уповает на то, что рассудок коренится в натуре человека и философия призвана соединить натуру и культуру, привести в движение душевные силы индивида, которые «должны при этом посредством воображения приходить в движение гармонически, иначе они будут не оживлять друг друга, а только мешать одна другой; а эта (гармония) дается только природой субъекта» [3, 468].

Кант призывает нас раскопать в самих себе нечто такое, что заставляет нас быть Человеком. Это нравственная сила, которая называется «добрая воля». Именно она позволяет решать сложные задачи: «Научиться делать добро по обязанности, затем — по привычке, чтобы потом творить его из склонности» [4, 308]. Кант помогает пройти этот путь. Если человек способен сказать «Я должен быть доброжелательным», то следующий шаг заключается в том, чтобы добиться искренности в доброжелательности. Это задача не из легких. Кант подсказывает, как обрести самого себя в дружбе. Для этого нужно понять, что дружба существует не на

небесах. Найти убежище в мире, где можно другому открыть свои мысли, общаться с другим, можно только в том случае, если научиться прощать друг друга, ни в чем другого не упрекать, не главенствовать.

Рационализм Канта для обретения меры в желаниях учит мыслить самому, мыслить себя в общении с людьми на месте другого, всегда мыслить в согласии с самим собой. Такого рода мудрость выковывает характер, очеловечивает натуру, знаменует собой правдивость во внутреннем диалоге с самим собой, а также в отношениях с другими людьми. «Характер — это минимум того, что можно требовать от разумного человека, а вместе с тем и максимум его внутренней ценности (человеческого достоинства)» [3, 545].

Категорический императив Канта — основа благоправного образа жизни, который, по сути, есть тонкий вкус, который обнаруживает меру в желаниях, делает потребление полезным и рассчитанным на долгие годы [3, 495]. Категорический императив Канта позволяет осуществлять поиски такой меры удовольствия от жизни, которая способна его увеличивать. Таким образом, нельзя не подчеркнуть, что Кант связывает меру удовольствия с мерой желаний, а меру желаний с тонким вкусом. Тонкий вкус и категорический императив — это нитка и иголка в шитье желаний и смыслов жизни.

Примером тому может служить искусство любви, суть которого заключается в том, что «мы любим тех, кому когда-то сделали добро» [5, 501]. Категорический императив любви сформулировал В. А. Петровский: «Мужчина любит женщину за то хорошее, что он ей сделал, и ненавидит за ту боль, которую ей причинил» [5, 502]. Парадоксальную сущность любви акцентировал в своей книге «Искусство любви» Э. Фромм, подчеркивая что любить — это значит давать, а не брать. Парадокс в том, что отдавая себя любимому и не прося ничего взамен, человек не чувствует себя обманутым, поскольку «давание — это высшее проявление силы. В каждом акте давания я осуществляю свою силу, свое богатство, свою власть. Такое переживание высокой жизнеспособности и силы наполняет меня радостью» [6, 27]. Давание — не лишение, а проявление жизнеспособности, это основа длительности и устойчивости желаний. Это и есть тонкий вкус к жизни, определяющий меру желаний. Если человек боится отдавать себя, то он боится и любить.

Ригоризм сегодня не в чести, и, казалось бы, человек погрузился в безмерное море желаний. На деньги можно купить все. Когда все есть и все доступно, исчезают желания. Но желания — это и есть Я.

Знание, что деньги решают все, продуцирует одно желание — желание денег. Купеческое «ты дорогого стоишь» превращает женщину в главного потребителя денег, а мужчину в источник денег. Сексуальность протитутуируется: люди из-за денег обслуживают желания других, забывая или попросту не зная своих желаний, уничтожая свои способности, настроения, мечты. Однако в мире денег «спереди мажут, а сзади кукиш кажут», обмен передко обман: «спачала ты меня подвези, потом я на тебе поеду».

На вопрос интервьюера: «Живем ли мы в период закручивания гаек?» В. Пелевин ответил: «Да, только почему-то забыли, что недавно были проданы болты». Категорический императив Канта покинул пределы России. Вопрос Ницше, «чьей волей к власти представляет собой мораль», нужны ли ей болты (отвес, позволяющий видеть отклонение), на наш взгляд, вопрос о желании жить в мире, регулируемом платежным балансом или в мире, построенном на наборе традиционных общечеловеческих ценностей. Мир денег при известной абсолютизации легко навязывает обществу девиантные нормы функционирования и выживания: ориентация на примитивные ценности, идентификация через противопоставление «свой — чужой», самоутверждение любым способом кроме саморазвития, безответственность. В результате мы начинаем в реальности видеть мир, описанный в антиутопиях Е. Замятина, О. Хаксли и Д. Оруэлла (с правилами «Незнание — сила», «Война — мир», «Свобода — это рабство», «Кто управляет настоящим, тот управляет прошлым» и т. п.)» [7, 10].

Героиня романа П. Коэльо «На берегу Рио-Пьедра села я и заплакала» несчастна от того, что «только в сказках принцесса целует жабу, и та превращается в прекрасного принца. В жизни все наоборот: принцесса целует принца, и он становится омерзительной жабой» [8, 56], во многом это происходит из-за денег. Что же произошло с героиней романа в конце повествования, благодаря чему «на берегу Рио-Пьедра села я и улыбнулась»? Ответ прост. Она нашла в себе силы полюбить другого человека не как партнера по повседневности, а как друга с Даром Божьим в Пути за Мечтой. А мечта — это нечто сильно желаемое.

Начиная с эпохи Просвещения понятие «Дух» обретает светское звучание вектора желаний. У Декарта дух — это единственное незыблемое основание существования человека: *cogito ergo sum* (пока мыслю — существую). Дух — идеальное овладение миром. Для Канта дух — идеи, обеспечивающие нескучное бытие, оживляющий принцип бытия.

«Изнанка духа» в современной философии предъявлена в рам-

ках философской антропологии, различных разновидностях психоанализа и в рамках социобиологии. И социобиология К. Лоренца, и философская антропология А. Гелена и М. Шелера содержат в себе общую идею: человек — особый род сущего, слабость инстинктов которого вызывает необходимость адаптации к миру посредством духа. Формы поведения человека мучительно произвольны. Люди действуют по свободной программе. Благодаря наличию духа многие инстинкты человека парадоксально неорганичны: дух сладострастия заставляет человека предаваться любви практически в любое время, не преследуя при этом цели сохранения рода, чаще, наоборот, стремясь получить удовольствие «без расплаты» в виде потомства. Кроме того, люди способны испытывать удовольствие от страдания других. К. Лоренц отмечает, что инстинкт агрессии стократно возрастает у человека благодаря духу: «Таков Двудликий Янус — человек. Единственное существо, способное с воодушевлением посвящать себя высшим целям, нуждается для этого в психофизиологической организации, звериные особенности которой несут в себе опасность, что оно будет убивать своих собратьев в убеждении, будто так надо для достижения тех самых высших целей» [9, 57].

Наблюдая за парадоксальными формами адаптации человека к миру, М. Шелер приходит к выводу — способ адаптации человека к миру противоположен жизни. Это решающее свойство человека, обуславливающее дезадаптивную адаптацию, называется «дух», при этом разум — составная часть духа, но дух, кроме того, это и созерцание — «узрение сущности», а также сложные эмоциональные и волевые акты: доброта, любовь, раскаяние и благоговение. Носителем духа является личность. Дух — сила, оплодотворяющая и придающая смысл жизни человека, вектор желаний. Дух — исходящая из подлинной экзистенции воля.

Погромные и погибельные страсти всегда сопровождали человека в его отношениях с миром и с самим собой, и дух человека в какой-то мере можно определить как интеллектуальный компонент страсти, творящее влечение, истинный смысл страсти. Страсть — эмоция желания. Векторы наших желаний формирует свободный дух. Свобода духа — фактор, определяющий здоровые и болезненные формы его существования. Дух импульсивен и трансцендентен. Здоровый дух самопознания, разведки своих возможностей в известных обстоятельствах перерождается в дух саморазрушения. Дух трансцендентен, избыточен в своих стремлениях: амбициозное переживание «я могу» постоянно переходит в переживание «я хочу». Интеллектуальный компонент человечес-

ких страстей в силу изощренности мыслительных способностей в качестве испытания может предложить самые невероятные идеи. Некто Кириллов в «Бесах» у Ф. М. Достоевского, воплощая в жизнь лозунг «Будь собой!», формулирует гипержелание: «Я хочу заявить свое своеволие... Я обязан себя застрелить, потому что самый полный пункт моего своеволия — это убить себя самому... Но безо всякой причины, а только для своеволия». Несмотря на кажущуюся кощунственность отождествления механизмов поведения алкоголика и первооткрывателя, на самом деле и в том и в другом случае речь идет об испытании себя, различие лишь содержание интеллектуального компонента страсти, определяемого культурой, традициями воспитания. Такая свобода духа рождает не только здоровые, но и болезненные формы его существования, ибо, по верному замечанию Юнга, «лишь то, чем действительно кто-то является, имеет целительную силу» [10, 230]. Здоровый дух ищет меру в желаниях, больной либо не способен желать, либо желает неадекватно обстоятельствам. Интересную притчу, проясняющую ситуацию на этой счет, рассказал З. Фрейд [11, 41]. Добрая Фея обещает бедной супружеской чете, что она исполнит первые их три желания. Счастливые, они собираются старательно выбрать эти три желания. Но жена соблазняется запахом жареных сосисок, доносящимся из соседней хижины, и желает получить хотя бы парочку. Сосиски неожиданно появляются тут как тут. Муж сердится и в раздражении желает, чтобы сосиски повисли у жены на носу, что и происходит. Поскольку удалить сосиски с места их нового пребывания нет никакой возможности, то третье желание супругов одно — чтобы сосиски исчезли с лица жены.

Усеченный дух кристаллизуется в нормах поведения. Маркерами духа безалаберности, праздности являются способы действия по принципу «сегодня гуляшки, да завтра гуляшки — останешься без рубашки», «в людях форсит, а дома без соли сидит», «еще рыба не поймана, а уж принялись уху варить»; духа фрондерства — «задору много — да силы нет», «пока саблю точили — язык голову спнес», «без осяпки конь — корова», «рожей сокол, а умом тетерев»; духа иждивенчества — «плохо, когда сила живет без ума, да нехорошо, когда и ум без силы»; духа злобы, немотивированной агрессии — «бей своих, чтоб чужие боялись», «бей его по темени, он без роду и племени»; духа лицемерия — «назначили лису воеводой в лесу: пера много, а птицы нет»; духа зависти, скупости — «у тебя плачут, просят — а ты реви, не давай», «глаза завидующие, а руки загребующие»; духа наживы — «брюхо заболело — чужого захотело». В качестве вывода приведем афоризм Марка Аврелия: «Каждый сто-

ит столько, сколько стоит то, о чем он хлопочет». А кризисы существования, по мысли Х. Ортеги-и-Гассета, возникают тогда, когда «мужчины не знают, каким идеалам они служат; женщины — каких мужчин они предпочитают» [12, 151].

1. Зощенко М. Возвращенная молодость // Собр. соч.: В 3 т. Т. 3. Л., 1987.

2. Кант И. О способности духа силою только воли побеждать болезненные ощущения // Тракаты и письма. М., 1980.

3. Кант И. Антропология с практической точки зрения // Соч.: В 6 т. М., 1966. Т. 6.

4. Кант И. Из «Лекций по этике» // Этическая мысль: научно-публицистические чтения. М., 1988.

5. Петровский В. А. Личность в психологии. Ростов н/Д., 1996.

6. Фромм Э. Искусство любви. М., 1990.

7. Лойфман И. Я. Мировоззренческие штудии. Екатеринбург, 2002.

8. Коэльо П. На берегу Рио-Пьедра села я и заплакала. Киев, 2003.

9. Лоренц К. Восемь смертных грехов цивилизованного человечества // Вopr. философии. 1992. № 3.

10. Юнг К. Г. Психология бессознательного. М., 1996.

11. Фрейд З. Сновидения. Сексуальная жизнь человека: Избр. лекции. Алма-Ата, 1990.

12. Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс // Вopr. философии. 1984. № 3.